

Возвратное путешествіе Персидскаго Шаха черезъ Россію.

25 Сентября. 25 Сентября наступилъ день отъезда моего въ Волочискъ, гдѣ я долженъ былъ встрѣтить Персидскаго Шаха и сопровождать его во время проѣзда черезъ Россію до Персидской границы въ Джульфѣ.

Я выѣхалъ съ Александровской станціи изъ Царскаго Села вечеромъ 25 Сентября въ Царскомъ поѣздѣ и доѣхалъ очень благополучно до Волочиска. Съ нами поѣхалъ Персидскій посланникъ въ Петербургѣ Мирза-Риза-Ханъ, Конногвардейскаго полка ротмистръ Ханъ Нахичеванскій и баронъ Врангель, а также и статскій совѣтникъ Кахановскій, назначенные состоять тоже при Шахѣ. Флигель-адъютантъ полковникъ Живковичъ и полковникъ Бельгардъ проѣхали прямо въ Волочискъ изъ мѣстности, гдѣ они живутъ.

31 Сентября. Шахъ прибылъ въ Австрійскомъ поѣздѣ въ Волочискъ 31 Сентября вечеромъ совершенно благополучно. Онъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ командующимъ войсками генер.-адъют. Драгомировымъ, прибывшимъ изъ Кіева съ многочисленною свитою и со всѣми подобающими церемоніями; всѣмъ начальствующимъ лицамъ были даны ордена, причемъ Драгомирову сначала дали Льва и Солнца съ брилліантами, но, по моему настоянію, перемѣнили и дали Шаховъ портретъ на шею съ алмазами.

Шахъ выказалъ большое удовольствіе при свиданіи со мной, а Садразамъ и главные министры и всѣ Персы выражали мнѣ свою радость сердечнымъ образомъ; и я, право, былъ очень тронутъ, что заслужилъ съ ихъ стороны такое расположеніе.

1 Октября. Мы выѣхали изъ Волочиска утромъ въ 7 часовъ, и путешествіе наше по желѣзнымъ дорогамъ до *Баку*, куда мы прибыли вечеромъ въ 6 часовъ, 5 Октября, совершилось благополучно. По пути мы останавливались только на нѣсколько часовъ на ночь и утромъ поѣздъ пускался, незамѣтно для Шаха, въ путь, а Шахъ неоднократно похвалялся, что можетъ теперь ѣхать по желѣзной дорогѣ и ночью, говоря: *je suis habitué*, но все таки эти остановки на ночь были ему очень пріятны и дѣлали путешествіе Шаха вовсе для него неутомительнымъ. Царскій поѣздъ ему данный былъ тотъ-же самый, и Шахъ былъ радъ войти въ свой прежній вагонъ и въ свои Русскія привычки. Также и всѣ Персидскіе сановники чувствовали себя въ Русскомъ поѣздѣ какъ дома.

Самъ Шахъ много рассказывалъ мнѣ о своихъ посѣщеніяхъ иностранныхъ дворовъ, а за нимъ, и Садразамъ, и сановники, и министръ

двора Гаки-Муль-Мулькъ, самый близкій человѣкъ къ Шаху и вліяніе котораго, или лучше сказать, фавора, чрезвычайно усилились со времени Парижскаго покушенія на жизнь Шаха, когда Гаки-Муль-Мулькъ отстранилъ руку убійцы и тѣмъ спасъ жизнь Шаху, который съ тѣхъ поръ отчасти по благодарности, на которую онъ способенъ, отчасти, можетъ быть, изъ суевѣрія, вельдствіе котораго считаетъ присутствіе при немъ Гаки-Муля-Мулька приносящимъ счастье и смотритъ на него какъ на живой талисманъ, но во всякомъ случаѣ показываетъ ему еще большее расположенія, даже замѣтно больше, чѣмъ къ Садразаму, и это сему послѣднему очень горько: онъ часто задумывается и даже нѣсколько разъ въ дорогѣ тайно плакалъ. Но Гаки-Муль-Мулькъ, какъ другъ и товарищъ юности Шаха, потомъ его докторъ и министръ двора, теперь и безъ того былъ ближе всѣхъ другихъ къ Шаху, хотя были лица, какъ и самъ Садразамъ, которые по положенію своему и должности стоятъ выше Гаки-Муль-Мулька. Говорятъ даже, что Шахъ неоднократно говорилъ, что онъ слишкомъ любитъ Гаки-Муль-Мулька, чтобы подвергать его всѣмъ трудностямъ, отвѣтственности и заботамъ, сопряженнымъ съ должностію Садразама, котораго кромѣ того, по уму, характеру и способностямъ, Шахъ считаетъ выше Гаки-Муль-Мулька, хотя сего послѣдняго любитъ больше.

Персы мнѣ рассказывали о своемъ путешествіи по Европѣ. Франціей и Парижемъ они очень довольны. Шахъ говорилъ, что видѣлъ тамъ очень много любопытнаго, полезнаго и поучительнаго и что тамъ было очень весело. Обращеніемъ Французскаго правительства Персы были вполнѣ довольны. Но видно все таки, что и во Франціи не умѣли ихъ окружить тѣмъ сердечнымъ вниманіемъ, дружелюбіемъ и какъ бы родственнымъ попеченіемъ, которыя Шахъ чувствовалъ въ Россіи. Этого нигдѣ онъ не нашелъ въ Западной Европѣ, и этого ему и не доставало, а это и составляло для Шаха и его свиты главную пріятность пребыванія въ Россіи, гдѣ имъ жилось и дышалось легко.

Въ Англіи и Берлинѣ Шахъ и не былъ, но въ душѣ онъ очень обиженъ поведеніемъ Германскаго императора, отклонившаго его визитъ, и всѣ случаи на Германскихъ желѣзныхъ дорогахъ Шаху остались памяты и непріятны.

Затѣмъ Шахъ былъ очень доволенъ пріемомъ Голландскаго двора: Брюссельскимъ гораздо меньше. Пріемомъ Австрійскаго императора, весьма любезнымъ и сердечнымъ, Шахъ былъ доволенъ, и вообще пребываніе въ Австріи и Венгріи, гдѣ онъ пробылъ довольно долго, оставило Шаху и всѣмъ его сановникамъ пріятное воспоминаніе.

Что же до посѣщенія султана въ Константинополь, то Шаху было очень непріятны распущенные Константинопольскими газетами слухи,

бўдто-бы Шахъ поцѣловаль руку Султану, какъ главѣ Мусульманскаго міра. Никогда, ничего подобнаго не было. Затѣмъ Шаху было нѣсколько обидно, что султанъ не встрѣтилъ его на самой пристани (гдѣ встрѣчали Шаха только всѣ принцы и сановники), а въ воротахъ того проѣзда, дальше которыхъ султанъ боится выѣзжать. Но султанъ извинялся въ этомъ передъ Шахомъ, такъ чистосердечно признаваясь въ своей болѣзненной мании страха, что Шахъ принялъ это объясненіе и не обижался, тѣмъ болѣе, что проявленія этой мании султана бросались постоянно въ глаза, во время всѣхъ свиданій Шаха съ султаномъ, который былъ необычайно внимателенъ и любезенъ къ Шаху, и сдѣлалъ ему множество прекрасныхъ подарковъ. Между прочимъ султанъ подарилъ Шаху двухъ Негровъ-евнуховъ, мальчиковъ лѣтъ 15-ти, и они оба теперь постоянно находятся въ услуженіи при Шахѣ; они совершенно дикіе, чрезвычайно избалованы, и одинъ изъ нихъ пресердитый. Разъ я вдругъ увидѣлъ, что одинъ изъ нихъ пришелъ перодѣваться въ мое купе. Я ему преспокойно, мимо идя, приказалъ идти вонъ; но когда мой человѣкъ сталъ его выпроваживать, то Негръ заскрежеталъ зубами, сталъ топтать ногами, грозить кулаками, плевать, такъ что мой камердинеръ вытолкалъ его въ шею вонъ изъ купе; видно, Негръ совсѣмъ не понималъ невѣжливости придти одѣваться въ чужомъ купе.

Про пріемъ въ Сербіи и Болгаріи Шахъ отзывался со снисходительной улыбкой. И здѣсь, и тамъ съ нимъ были очень любезны и просили побыть подольше, чѣмъ было невозможно, такъ какъ Шаху надо было возвратиться въ Персію до наступленія дождевой погоды и худыхъ дорогъ.

Садразамъ и министръ двора тоже мнѣ всегда говорили о расположеніи Шаха ко мнѣ и о томъ, что онъ постоянно вспоминалъ о всѣхъ подробностяхъ нашихъ путешествій, чрезвычайно похваляя мои о немъ заботы и обхожденіе и вспоминалъ, какъ я на примѣръ, когда нужно было куда ѣхать, постоянно приходилъ къ нему говоря: *Votre Majesté, tout est prêt*, или на станціяхъ, когда слѣдовало трогаться, приходилъ говоря: *Votre Majesté, il est temps*, такъ что у нихъ эти слова вошли въ обычай. Были и серьезные разговоры, въ которыхъ они мнѣ высказывали, что и Шахъ и они понимаютъ, что безопасность, спокойствіе и благосостояніе Персіи (изъ чувствъ самолюбія не говорили цѣлость и независимость, но это явствовало) зависятъ отъ дружбы и покровительства Россіи.

4 Октября. Въ Баку мы пріѣхали въ 6 часовъ вечера, во время страшнаго шторма отъ NO. Шахъ, который пожелалъ непременно ѣхать въ открытомъ экипажѣ, потомъ самъ былъ тому не радъ: намъ

закидывало лицо пескомъ съ мелкими камушками и искрами отъ факеловъ сопровождавшаго Шаха казацкаго конвоя, и вой вѣтра былъ такъ силенъ, что, сидя рядомъ въ коляскѣ, мы не слышали словъ со-сѣда. Эти сѣверо-восточные штормы очень часты въ Баку и по всему западному берегу Каспійскаго моря, но для края они благодѣтельны, ибо они освѣжаютъ воздухъ и почти всегда приносятъ съ собою дождевыя облака. Такъ было и теперь, и весь слѣдующій день и ночь шелъ сильный дождь, такъ что Шахъ цѣлый день просидѣлъ дома. Къ тому же, во время переѣзда съ желѣзной дороги въ назначенный для его помѣщенія домъ въ Баку, Шахъ простудился. Потомъ онъ приписывалъ свое нездоровье близости моря и вліянію морского воздуха и, говоря о своемъ нездоровьѣ и бурѣ на морѣ, говорилъ мнѣ: *j'ai bien fait de n'avoir pas voulu partir par mer* (о чемъ была сначала рѣчь). Оно и правда, тѣмъ болѣе, что высадка съ парохода на берегъ въ Энзели очень опасна, такъ какъ осенью сѣверо-восточные вѣтры часты и сильны и разводять огромное волненье, при которомъ высадка на берегъ опасна.

Въ Баку для Шаха былъ приготовленъ большой домъ богатаго Армянина и, кажется, Персидскаго подданнаго Тумаянца. Главныя лица Персидской свиты и Русская свита были помѣщены въ томъ же домѣ. Но первая ночь, проведенная мною въ Баку, была ужасна. Желая украсить мою спальню, всѣ стѣны завѣсили коврами; коврами же покрыли диваны и устлали полы, но всѣ эти ковры были пропитаны нафталиномъ. Хотя этотъ запахъ для меня очень противенъ, но я все таки рѣшился спать, но когда всѣ двери были заперты, то запахъ сдѣлался ужасенъ, и я пришелъ въ какое-то болѣзненное состояніе, нѣчто въ родѣ угара. Я разбудилъ своего человѣка, и мы стали стаскивать ковры съ дивановъ и половъ, сдирать ихъ со стѣнъ и выносить въ другую комнату. Эта работа продолжалась очень долго, и только къ утру я могъ, наконецъ, уснуть. День былъ занятъ безчисленными представленіями и аудіенціями Персовъ и различныхъ личностей, изъ которыхъ, говорятъ, многіе подносили своему природному владыкѣ денежные и другіе дары, особенно Персидскіе купцы, которыхъ здѣсь очень много. На этихъ аудіенціяхъ я не присутствовалъ. Были и всѣ обычныя представленія Русскихъ властей; по вечерамъ зажигалась иллюминація; учебныя заведенія съ пѣснями и фонарями проходили мимо Шаховыхъ оконъ, а вдали съ военныхъ судовъ на рейдѣ пускались ракеты.

Въ это пребываніе въ Баку я ѣздилъ осмотрѣть ханскій дворецъ, родъ цитадели посреди города, очень любопытное зданіе, занятое теперь военными складами и въ варварскомъ состояніи, какъ и почти всѣ историческія зданія на Кавказѣ, находящіяся въ вѣдѣніи Военнаго Министерства.

Еще до прїѣзда нашего на Кавказъ мною было получено свѣдѣніе о прїѣздѣ туда нѣсколькихъ *бабитовъ* изъ Персіи съ цѣлью произвести покушеніе на жизнь Шаха. Сообщивъ это извѣстіе секретно губернаторамъ тѣхъ губерній, по которымъ намъ надлежало ѣхать, я просилъ ихъ принять всевозможныя предосторожности по дорогѣ и нигдѣ не подпускать толпы близко къ экипажу Шаха, или къ домамъ, въ которыхъ онъ останавливался. Бакинскому губернатору я, кромѣ того, телеграфировалъ объ учрежденіи строжайшаго надзора за всѣми личностями, которыя подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ будутъ приходить въ домъ, занимаемый Шахомъ, что и было тщательно исполнено.

Предупредивъ объ этомъ Шаха, я спросилъ его, не позволить ли онъ не допускать толпы до его экипажа, такъ какъ въ первое свое путешествіе и въ Тифлисѣ онъ постоянно просилъ, чтобы не отгонять отъ его экипажа толпами подбѣгавшихъ Персіянъ. И Шахъ теперь, уже очень устранный покушеніемъ, сдѣланнымъ на него въ Парижѣ и очень опасующійся бабитовъ, одинъ изъ которыхъ былъ убійцею его отца, очень меня просилъ соблюдать все предполагавшіяся предосторожности и потомъ, говоря о бабитахъ, Шахъ прибавилъ: *Ces babites, ils sont très mauvais!* *) Во время же выѣзда своего въ Баку на нефтяные заводы, когда сквозь конвой казаковъ пробрался къ нему какой-то Персіянинъ, Шахъ замахнулся на него палкой; конечно, казакъ тотчасъ его отогналъ.

Мы выѣхали изъ Баку 7 Октября въ 3 часа дня, со всѣми обычными церемоніями, и отправились по желѣзной дорогѣ, соединяющей Баку съ Тифлисомъ и Батумомъ. Шахъ долженъ былъ ѣхать по этой желѣзной дорогѣ до станціи Акстафы (4 часа отъ Тифлиса), откуда уже въ экипажахъ мы должны были ѣхать на Эриванъ и Нахичеванъ до Джульфы на берегу Аракса, границы Персіи.

Всѣ мы размѣстились по своимъ прежнимъ вагонамъ и были предовольны; это былъ отдыхъ послѣ Бакинской суетоки. Шахъ былъ очень въ духѣ и говорилъ, что въ Баку воздухъ для него нехорошъ отъ близости моря и запаха нефти.

Вечеромъ около 8-ти час., не доѣзжая версты до ст. *Каджи-Кабуль*, когда поѣздъ уже сталъ уменьшать ходъ, мы вдругъ почувствовали два сильные толчка, послѣ чего поѣздъ пошелъ спокойно дальше. Вслѣдъ затѣмъ мнѣ пришли доложить, что толчки произошли отъ удара локомотива о два большихъ камня, положенныхъ на рельсы. Но такъ

*) О бабитахъ, какъ и вообще о Персіи, см. Записки Дюгамеля, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1879 года. II. В.

какъ около этого мѣста шли каменные работы, то мы остановились на предположеніи, что камни эти обронены на пути случайно. За симъ нашъ путь продолжался благополучно до Акстафы, куда мы прибыли на другой день въ 8 часовъ утра.

Уже на обратномъ моемъ пути, по доставленіи Шаха въ Персію, проѣзжая черезъ Баку, я узналъ, что камни были положены не случайно, но что злоумышленниками поперекъ желѣзнодорожнаго пути была сложена цѣлая стѣнка въ аршинъ высоты изъ обтесанныхъ известковыхъ камней, приготовленныхъ для тамошнихъ построекъ. На этомъ мѣстѣ дорога спускается и дѣлаетъ поворотъ. Слава Богу, что поѣздъ въ это время шелъ очень тихо, благодаря чему ударъ былъ не силенъ; локомотивъ хотя былъ немного помятъ, но опрокинулъ стѣну, затѣмъ колесами были раздавлены два известковые камня (по мягкости ихъ), попавшихъ на рельсы, а остальные камни локомотивъ двигалъ впередъ на разстояніи около 30 сажень, и затѣмъ поѣздъ прошелъ надъ ними благополучно. Заподозрѣны были три бабита, которымъ и порученъ былъ надзоръ надъ этимъ мѣстомъ дороги; но уликъ прямыхъ не было. и такъ какъ они клялись, что они не бабиты и горять преданностью къ Шаху, то полагають, что ихъ подержать въ тюрьмѣ и затѣмъ выпустятъ.

8 Октября, Воскресенье. Утро въ Акстафѣ хотя было осеннее, прохладное, но солнечное и чудное. Перегрузка поклажи въ фургоны и разсадка въ экипажи продолжалась довольно долго. Шахъ ужасно торопился, имѣя въ виду длинный переѣздъ до ночлега, назначеннаго на полувысотѣ, въ ущельи Малаго Кавказа въ *Джулейджань*, но только въ 9½ часовъ мы, наконецъ, тронулись въ путь.

Дорога отъ Акстафы до Джулейджана, идущая сначала вдоль горныхъ рѣкъ до самаго подъема на Малый Кавказъ, мнѣ показалась еще живописнѣе чѣмъ весною; теперь растительность была въ полномъ своемъ развитіи, а лѣса на горахъ уже начинали желтѣть и восхищали разнообразными своими переливами отъ темной зелени сосенъ, можжевельныхъ деревьевъ и елей до всѣхъ оттѣнковъ желтаго и краснаго цвѣта листьевъ и прочихъ разнообразныхъ породъ лѣса, покрывающаго горы до верха.

Въ Джулейджанѣ Шаху съ его ближайшей свитой былъ отведенъ тотъ-же удобный домъ, что и весною, и до слѣдующаго утра онъ прекрасно отдохнулъ.

9 Октября. 9 Октября мы завтракали въ Еленовкѣ и въ 5 часовъ дня уже прибыли на ночлегъ въ Молоканское селеніе Нижняя Ахта. Проѣзжая берегомъ озера Гокчи, Шахъ пробовалъ стрѣлять дикихъ утокъ, водящихся во множествѣ въ тростникахъ у низменнаго берега,

близъ Еленовки. Шахъ страстный охотникъ, и рассказы про охоту составляютъ одинъ изъ любимыхъ предметовъ его разговоровъ. На дняхъ онъ подарилъ мнѣ альбомъ своихъ охотъ близъ Тегерана преимущественно на тигровъ и дикихъ горныхъ барановъ съ очень большими изогнутыми рогами.

10 Октября. Въ 2 часа дня Шахъ прибылъ въ Эривань, гдѣ былъ принятъ съ тѣми же церемоніями, что и при первомъ своемъ проѣздѣ, и опять остановился въ губернаторскомъ домѣ, который былъ очень хорошо убранъ для этого приѣма. Губернаторъ графъ Тизенгаузенъ пріѣхалъ встрѣтить Шаха въ Джулейджанъ и потомъ все время сопровождалъ его до границы. Графъ очень симпатичный и любезный человекъ. Шахъ и вся его свита его полюбили; поэтому кромѣ ордена Льва и Солнца 1-й степени, Шахъ подарилъ графу въ концѣ нашего путешествія табакерку съ алмазами *mais ces cadeaux ont beaucoup d'apparence et peu de valeur réelle.*

Пребываніе въ Эривани Шаху въ это время было по душѣ, и дѣйствительно это на половину Персидскій городъ; комнаты Шаха большія, высокія, были тоже на половину убраны по восточному, т. е. среди Европейской мебели было нѣсколько восточныхъ дивановъ, покрытыхъ коврами; коврами же были завѣшаны и стѣны и покрыты полы.

11 Октября. Шахъ поѣхалъ въ 2 часа дня посѣтить въ Эчміадзинѣ Армянскаго католикоса. Хотя въ началѣ онъ не хотѣлъ туда ѣхать, но потомъ разсудилъ, что для Армянскаго населенія своего царства это необходимо. Католикоса я извѣстилъ объ этомъ посѣщеніи еще наканунѣ.

Отъ Эривани до Эчміадзина 19 верстъ; но лишь только выѣдешь изъ покрытыхъ зеленью и садами окрестностей Эривани, почти всю остальную часть дороги приходится ѣхать песочной, однообразной и плоской мѣстностью. Къ великому моему ужасу, Шахъ пригласилъ меня сѣсть съ нимъ въ карету, чтобы ѣхать въ Эчміадзинъ. Что я буду дѣлать и о чемъ съ Шахомъ буду говорить, думалъ я, и мы поѣхали. Шахъ посадилъ меня рядомъ съ собой, а на передкѣ Садразама и министра двора; но къ счастью разговоръ какъ-то сейчасъ же завязался и пошелъ прекрасно, и мы доѣхали до Эчміадзина безъ всякой скуки и утомленія. Признаюсь, что Эчміадзинъ былъ для меня великимъ разочарованіемъ. Кругомъ монастыря расположенъ посадъ, нѣчто въ родѣ уѣзднаго небольшого города, мѣстность плоская и голая. Зеленъ есть только въ монастырѣ. Древняго—только соборъ и еще одна церковь, и эти зданія весьма своеобразны; но внутренность собора выбѣлена известкой, и ни утвари, ни образовъ древнихъ нѣтъ, и намъ

никто ничего не могъ ни показать, ни рассказать, ризница же въ величайшемъ беспорядкѣ. Вообще Эчмиадзинъ былъ для меня разочарованіемъ. Имѣя въ виду, что это духовный, нравственный центръ всей Арменіи, я полагалъ, что это нѣчто въ родѣ Ватикана, конечно, безъ его художественной стороны; то что я видѣлъ, до такой степени не соответствуетъ своему назначенію и такъ мизерно и запущено, что меня это изумило.

Патріархъ придавалъ визиту Шаха большое значеніе и въ глазахъ армянства хотѣлъ показать, что это какъ бы визитъ монарха къ монарху, и поэтому былъ написанъ цѣлый церемоніаль пріема Шаха въ Эчмиадзинѣ.

Шахъ былъ принятъ съ великими почестями и держалъ себя весьма достойно и прилично, посѣтилъ соборъ и ризницу, потомъ пилъ чай въ приготовленныхъ ему покояхъ въ патріаршемъ домѣ. Ему представили всѣхъ главныхъ лицъ Армянскаго духовенства, и въ концѣ визита онъ послалъ патріарху ленту и звѣзду Льва и Солнца. Когда при отъѣздѣ патріархъ пошелъ его провожать, то на пол-дорогѣ Шахъ, во вниманіе къ преклонному возрасту патріарха и его дряхлости, просилъ его не беспокоиться идти дальше и отпустилъ его, сказавъ, что очень радъ, что могъ его посѣтить, и сѣлъ въ карету, попросивъ меня опять съ нимъ ѣхать. Обратный путь прошелъ въ разговорахъ весьма оживленныхъ; между прочимъ рѣчь зашла о Севастопольской осадѣ, и Шахъ очень интересовался моими рассказами объ этой эпопее. Мы незамѣтно доѣхали до Эривани, но я былъ очень радъ, когда, наконецъ, мы увидѣли Эриванскаго полиціймейстера верхомъ на городской границѣ. Мы вернулись уже около 7-ми часовъ, и вечеръ прошелъ спокойно. Шахъ, какъ всегда, обѣдалъ у себя и потомъ легъ спать, а вся свита обѣдала въ большой залѣ губернаторскаго дома съ обычнымъ парадомъ, т. е. множествомъ блюдъ, среди многочисленнаго общества военныхъ и гражданскихъ губернскихъ сановниковъ съ музыкой и обычными тостами, съ національными гимнами.

12 Октября. Въ 7 часовъ утра, при чудной погодѣ, выѣхали мы изъ Эривани съ большимъ триумфомъ; все начальство въ залахъ и у подъезда почетный караулъ, войскà шпалерами по улицамъ, при салютѣ изъ пушекъ и т. п. Въ 5^{1/2} часовъ дня прибыли въ Башъ-Нарушень, гдѣ все было такъ-же хорошо устроено, какъ и при первомъ проѣздѣ. На дворѣ нашего дома я нарвалъ спѣлыхъ гранатъ, которыя уложилъ, чтобы привезти въ Петербургъ.

13 Октября. Выѣхавъ изъ Башъ-Нарушена, прибыли мы въ 4^{1/2} часа въ Нахичеванъ. На этотъ разъ Шахъ и вся его свита остановились въ домѣ хана Нахичеванскаго, который состоитъ при Шахѣ

(офицеръ л. гв. Коннаго полка). Домъ этотъ находится на мѣстѣ дворца прежнихъ хановъ Нахичеванскихъ; онъ на краю города и однимъ фасомъ, въ которомъ комнаты Шаха, обращенъ на долину рѣкъ Нахичевани и Аракса, текущихъ въ широкой долинѣ, покрытой виноградниками и садами, а вдали, за Араксомъ, высокія горы уже на Персидской землѣ, и вправо гора Араратъ, самый же домъ, равно какъ и весь городъ Нахичевань, на высококомъ берегу, окаймляющемъ эту чудную долину; въ этомъ берегѣ, въ пещерѣ, находится и могила Ноя, которую я посѣтилъ еще при первомъ посѣщеніи Нахичевани. Вдоль фаса дома, выходящаго на долину, большая веранда, прилегающая къ комнатамъ Шаха, откуда видъ истинно восхитительный, и Шахъ почти все время сидѣлъ на этой верандѣ и вечеромъ смотрѣлъ на фейерверкъ. Самый домъ очень удобенъ, убранъ въ восточномъ Персидскомъ стилѣ, каминны и нѣкоторыя стѣны украшены арабесками изъ зеркальныхъ кусковъ, чтѣ очень оригинально; но мебелировка, кромѣ ковровъ и дивановъ, покрытыхъ коврами, состоитъ изъ Европейской мебели и бронзы, но все устроено очень декоративно. Большой дворъ обсаженъ деревьями и посреди фонтанъ. Рядомъ съ домомъ хана Нахичеванскаго домъ его дяди генерала Измаила-хана, 90-лѣтняго героя Баязета. Въ этотъ домъ ведетъ нѣсколько дверей, въ стѣнѣ двора, и въ большой залѣ дома Измаила-хана свита Шаха обѣдала и ужинала. Стѣны этой залы расписаны цвѣтами и фруктами, а одна стѣна занята огромнымъ каминомъ съ арабесками изъ зеркальныхъ кусочковъ; однимъ словомъ, эта зала совершенно въ Персидскомъ вкусѣ. Сегодня послѣдній обѣдъ съ Персами на Русской землѣ, и поэтому было много тостовъ и дружескихъ изліяній; во время обѣда играла военная музыка, и всѣмъ было весело.

Старику Измаилу-хану, котораго Шахъ очень обласкалъ, была дана лента Льва и Солнца, и старикъ былъ очень счастливъ. Да и всѣмъ родственникамъ хана Нахичеванскаго были даны ордева, а слугамъ медали, и ликованье продолжалось до поздней ночи, которая была чудно хороша.

14 Октября. Мы выѣхали изъ Нахичевани въ 9 часовъ утра. благополучно переѣхали рѣки Нахичевань-Чай и Алинда-Чай, въ которыхъ на этотъ разъ воды было немного, и въ 1 часъ дня мы прибыли благополучно на границу—въ Джульфу. Шахъ вошелъ въ приготовленный для него таможенный домъ и сталъ переодѣваться. Онъ вышелъ черезъ нѣсколько минутъ съ Андреевской лентой и звѣздой и съ богатымъ брилліантовымъ Львомъ и Солнцемъ на шапкѣ. Вся Русская свита, министры его и сановники уже въ мундирахъ собрались на площадкѣ таможеннаго дома, въ которомъ Шахъ переодѣвался и въ которомъ онъ жилъ во время перваго своего пребыванія въ Джульфѣ.

Шахъ благодарилъ меня еще разъ за всѣ мои о немъ заботы. поручилъ представить его глубокую благодарность Государю и при этомъ сказалъ, что онъ съ намѣреніемъ надѣлъ Андреевскій орденъ, чтобы въ немъ вступить въ свою землю и показать своимъ подданнымъ свои чувства благодарности Русскому Императору. Затѣмъ Шахъ сказалъ по нѣсколько милостивыхъ словъ всѣмъ лицамъ Русской свиты, состоявшимъ при немъ, и шествіе къ Араксу началось. Почетный караулъ отдалъ честь, музыка заиграла Персидскій гимнъ, войска, расположенныя шпалерами отъ таможенного дома къ парому, кричали „ура“, а равно и огромная толпа собравшаяся на берегу. Лишь только Шахъ вступилъ на паромъ, съ Русскаго берега началась стрѣльба изъ ружей, такъ какъ пушекъ тутъ не было; а на Персидскомъ берегу заиграли всѣ военныя музыки Персидскаго отряда войскъ и началась пушечная пальба. Я и вся Русская свита сопровождали Шаха на Персидскую землю и проводили его до приготовленныхъ для него великолѣпныхъ шатровъ.

Какъ только Шахъ чрезвычайно важно вступилъ на свою землю, наслѣдникъ его бросился къ нему въ ноги и на колѣняхъ лобызалъ его сапогъ. Шахъ ему только кивнулъ ласково головой; за наслѣдникомъ такимъ-же образомъ падали ницъ и цѣловали его сапогъ и всѣ другіе высшіе сановники, пріѣхавшіе встрѣтить своего монарха.

Шахъ шелъ раскачиваясь, медленно, мимо своихъ войскъ и, сопровождаемый Русской и Персидской свитой, вошелъ въ свои шатры, гдѣ снова повторилась сцена его прощанія со мной и Русской свитой, благодаренія Государю и, наконецъ, приглашеніе насъ всѣхъ сегодня въ 7 часовъ на обѣдъ у наслѣднаго принца и прощальную аудіенцію у него самого.

Сопровождаемые многими сановниками и всѣми военными почестями, мы вернулись на Русскій берегъ Аракса, который теперь уже не бурлилъ, какъ весной, и русло текущее между Персидскимъ берегомъ и островомъ такъ обмелѣло, что черезъ него были перекинуты мостки, покрытые краснымъ сукномъ, а паромъ ходилъ на нашемъ руслѣ, который во всѣ времена года быстръ и глубокъ. Я былъ очень счастливъ, когда воротился на Русскій берегъ съ сознаніемъ, что моя миссія кончилась и немедленно донесъ телеграммой о благополучномъ возвращеніи Шаха въ свои предѣлы Государю Императору.

Въ 5 часовъ дня налетѣлъ сильный шквалъ съ дождемъ, который сорвалъ часть флаговъ и фонарей, приготовленныхъ къ иллюминаціи, и отчасти подмочилъ фейерверкъ, приготовленный мною на островъ Аракса для Шаха, но затѣмъ погода опять прояснилась, и къ 7-ми часамъ вечера вся моя свита и собравшіеся къ Джульѣ начальствующія лица отправились на обѣдъ къ Шаху.

Я былъ пораженъ великолѣпіемъ Шаховыхъ шатровъ. Это большія палатки въ 8 аршинъ высоты; снаружи онѣ красныя или зеленыя, но внутри обтянуты коврами, бархатомъ и шаями. Шатры поставлены одинъ близъ другого и между собою соединены, одни служатъ столовой, другіе пріемными, третьи для спаленъ и внутреннихъ комнатъ; кругомъ всѣхъ палатокъ обширное пространство огорожено большими высокими ширмами, покрытыми вышитыми арабесками, цвѣтами и т. п.; между палатками дорога устлана коврами и стоятъ курильницы съ духами. Это, можно сказать, послѣднее слово роскоши кочевой жизни, и я при этомъ вспомнилъ описаніе палатокъ султана Саладина въ романѣ Вальтера Скотта „Ричардъ въ Палестинѣ“; такъ это и есть въ дѣйствительности.

Наслѣдный принцъ принялъ насъ очень любезно и съ большой простотой и даже смиреніемъ, несмотря на то, что онъ видимо чувствовалъ, что долженъ соблюдать свое, если не величіе, то достоинство; но передъ Шахомъ никто не великъ, а его любезность или, правильнѣе, въ глазахъ его подданныхъ, его благосклонность ко мнѣ дѣлала обязательною большую любезность ко мнѣ, какъ со стороны принца, такъ и всѣхъ остальныхъ.

Передъ обѣдомъ насъ пригласили въ шатеръ Шаха. Онъ насъ принялъ чрезвычайно пріятливо и сердечно. Прощаясь со мной, еще разъ выразилъ свою благодарность и свое сожалѣніе со мной разставаться, говорилъ, что никогда меня не забудетъ и поручилъ представить Государю Императору глубочайшую благодарность за Его гостепріимство, великолѣпный пріемъ и свою радость, что видѣлъ Государя и увѣренность, что это свиданіе будетъ еще болѣе служить укрѣпленію дружескихъ сношеній между Россіей и Персіей; все это онъ говорилъ съ большимъ чувствомъ. Затѣмъ Шахъ подарилъ мнѣ великолѣпную саблю, украшенную рубинами и брилліантами и сказалъ, что это сабля его отца. Также флигель-адъютанту Живковичу, Бельгарду и другимъ чинамъ свиты раздавалъ подарки лично, послѣ чего простился съ нами и пошелъ къ себѣ. Обѣдъ состоялъ изъ 14 блюдъ, былъ сервированъ по европейски, но все было полухолодное и не особенно хорошо; конечно, трудно было обѣдъ на сто персонъ сдѣлать хорошею, приготовивъ его на открытомъ воздухѣ, но сервированъ былъ великолѣпно.

Я сидѣлъ по правую руку отъ наслѣднаго принца, который очень разговаривалъ и показался мнѣ весьма добродушнымъ. Онъ мнѣ сказалъ, что страстно желалъ бы посѣтить Россію, даже просился у отца хотя бы теперь на встрѣчу пріѣхать въ Эривань или Нахичевань, но отецъ его и этого не позволилъ, опасаясь сдѣлать затрудненія въ лошадяхъ и экипажахъ. Во время обѣда играла Персидская музыка все

Европейскія вещи и очень хорошо, особенно военный оркестръ Шаха. Обѣдъ кончился около 11-ти часовъ и, откланявшись принцу и попросивъ его еще разъ благодарить Шаха за его къ намъ милости, мы отправились къ берегу Аракса мимо войскъ, выстроенныхъ шпалерами и въ сопровожденіи всѣхъ министровъ и сановниковъ, которые, прощаясь, всѣ пѣловались со мною и съ большимъ чувствомъ благодарили и выражали сожалѣніе, что съ нами расстаются. Вечеромъ былъ фейерверкъ, который, хотя нѣсколько подмоченный, удался довольно хорошо.

15 Октября. На другой день, въ 8 часовъ утра, Шахъ отправился въ каретѣ въ дальнѣйшій путь*). Мало по малу разобрали шатры, снялся весь Персидскій лагерь, затѣмъ ушли войска Шаха и къ 10—11 часамъ Персидскій берегъ опустѣлъ. По просьбѣ всѣхъ лицъ нашей свиты мы остались весь день въ Джульфѣ, что было необходимо для окончанія многихъ дѣлъ, отдохновенія прислуги, казаковъ и заготовленія лошадей.

Въ тоже утро я имѣлъ счастье получить отъ Государя Императора нижеслѣдующую телеграмму, которая меня очень обрадовала:

Генерал-адъютанту Арсеньеву. Ливадія, 15-го Октября.

Благодарю Васъ за многочисленныя ваши донесенія и неусыпныя заботы по устройству путешествія со возможными удобствами для Шаха. Усматриваю изъ его телеграммъ, что вы вполне успѣли въ возложенномъ на васъ порученіи. Поздравляю съ благополучнымъ доставленіемъ Шаха въ его предѣлы и съ окончаніемъ второго длиннаго путешествія.

Н и к о л а й.

16-го Октября. На другой день, т. е. 16 Октября, въ 10 часовъ утра мы тронулись въ обратный путь, и всѣ въ очень благообразномъ состояніи духа. Съ нами ѣхалъ и Эриванскій губернаторъ графъ Тизенгаузенъ, котораго всѣ очень любили, Русскіе и Персы, и Шахъ кромѣ ордена 1-й степени подарилъ ему еще и табакерку. Дивизионный начальникъ князь Орбеліани (отецъ фрейлины) тоже ѣхалъ съ нами (онъ сопровождалъ Шаха до границы); Садразамъ оказывалъ ему всякое вниманіе, такъ какъ въ Петергофѣ онъ очень плѣнился его дочерью и былъ очень польщенъ тѣмъ, что во время парада въ Красномъ Селѣ ему удалось сняться фотографически рядомъ съ нею.

Погода была прекрасная, ни жарко, ни холодно, и въ 2 часа дня мы прибыли въ Нахичевань, гдѣ по настоятельнымъ просьбамъ хана Нахичеванскаго опять остановились въ его домѣ и оставались въ

*) Шахъ Музаферъ Эдинъ скончался въ 1905 году, заболѣвъ тою же болѣзнію, отъ которой ѣздилъ лечиться во Францію.

Нахичевани до слѣдующаго утра. Въ Нахичевани мы очень хорошо отдохнули, ходили смотрѣть внутренность старинной башни, находящейся на дворѣ дома хана Нахичеванскаго и въ которой, по преданіямъ, погребена ханша. Въ подземельномъ этажѣ сводъ поддерживался столбомъ (въ серединѣ подземелья и подъ этимъ столбомъ и погребена ханша); это устройство могилы такое же, какъ въ такъ называемой могилѣ Ноя, и это самый древній обычай погребенія въ этой мѣстности.

Вечеромъ мы ходили глядѣть на водопадъ Нахичевань-Су, который съ высоты, на которой стоитъ городъ, падаетъ съ обрыва въ низменную долину Нахичевань-Чая и Аракса; внизу омутъ, мельница, густая, богатая растительность и тѣнистыя деревья, все это очень красиво. Вся родня и дворня Нахичеванскаго хана были въ восторгѣ отъ розданныхъ Шахомъ наградъ, орденовъ и медалей.

18 Октября. Вечеромъ 18-го мы пріѣхали въ Эривань и были очень гостепріимно приняты и помѣщены въ домѣ губернатора; обѣдали у него, играли въ винтъ, и на другой день выѣхали дальше и 20 Октября въ 2¹/₂ часа дня прибыли благополучно въ Акстафу, на желѣзной дорогѣ, гдѣ мнѣ былъ оставленъ тотъ самый вагонъ, въ которомъ весной я пріѣхалъ къ Акстафу изъ Петербурга. Отсюда черезъ Баку, Дербентъ, Петровскъ, Минеральныя Воды, Ростовъ-на-Дону и оттуда Таганрогъ, я прибылъ благополучно по желѣзной дорогѣ въ Севастополь утромъ 25-го Октября.

25 Октября, и сейчасъ же выѣхалъ въ коляскѣ на южный берегъ Крыма, гдѣ я не бывалъ съ 1878 года, т. е. 22 года.

Мы ѣхали отъ Севастополя уже не прежней дорогой на Херсонесъ, Георгіевскій монастырь и Балаклаву, и только проѣхавъ эту послѣднюю, мы выѣхали въ Байдарскую долину; когда же, проѣхавъ черезъ Байдарскіе ворота, я вновь увидѣлъ передъ собой этотъ волшебный Южный берегъ, а за нимъ необъятное Черное море, въ душѣ моей проснулся весь восторгъ, охватившій нѣкогда меня при первомъ видѣ южнаго берега, въ 1862 году, и роемъ поднялись въ душѣ всѣ воспоминанія о жизни на Южномъ берегу, все прекрасное и тяжелое, всѣ счастливые пережитые въ Крыму дни и все, что я здѣсь испыталъ.

Съ душевнымъ волненіемъ увидѣлъ я опять эту дорогу, столь мнѣ знакомую и мѣста столь мнѣ любезныя: Алупку, Мисхоръ, Гаспру, Оріанду и наконецъ Ливадійскій паркъ и дворецъ, освѣщенные теперь луною. Это было такъ меланхолично и такъ сообразно съ моими чувствами!

И мнѣ вспомнились стихи, написанные мною въ 1869 году при отъѣздѣ изъ Крыма, на голосъ одного изъ вальсовъ, бывшаго тогда въ модѣ Лангера. Великій Князь Сергій Александровичъ полюбилъ эти стихи и нерѣдко пѣвалъ ихъ.

Мы всѣ съ великимъ сожалѣньемъ,
Сегодня покидаемъ Крымъ.
Была намъ жизнь здѣсь наслажденьемъ;
Увы, прошла она какъ дымъ!
Въ однообразіи счастливомъ
Здѣсь золотые дни текли;
Мы дорожили каждымъ мигомъ,
И мѣсяцы какъ мигъ прошли.
Когда-жъ опять, судьбы велѣньемъ,
Мы южный берегъ посѣтимъ,
Все тотъ-же-ль будетъ для насъ Крымъ?...

Но дорога отъ Ливадіи до Ялты стала неузнаваема. Тогда она была совершенно пустынна, а теперь представляла рядъ прекрасныхъ виллъ, разнообразной архитектуры, которыя не только тянулись вдоль дороги, но закрывали собою и горы.

Самая Ялта уже не была больше прежнюю скромною Ялтою, но застроена большими домами, со множествомъ магазиновъ, отелей и кондитерскихъ и освѣщена электричествомъ, и на улицахъ было много народа. Мнѣ дали въ гостинницѣ „Россія“ двѣ прекрасныя комнаты въ бель-этажѣ, окнами на море; и вмѣсто прежняго пустыннаго открытаго рейда, теперь я увидѣлъ довольно большую гавань, огражденную моломъ, и въ гавани нѣсколько пароходовъ и много каботажныхъ судовъ.

Такъ какъ я телеграммой извѣстилъ министра двора о днѣ своего пріѣзда, то нашелъ у себя на столѣ повѣстку, назначавшую на завтрашній день мое представленіе Государю Императору. Но на-другой день оказалось, что Государь почувствовалъ себя нездоровымъ, и представленіе было отложено на послѣ-завтра. Увы, оно такъ и не состоялось! Государь съ каждымъ днемъ чувствовалъ себя хуже и хуже; наконецъ, черезъ три дня, слегъ въ постелю. Сначала думали, что у него инфлюенца, но на четвертый день оказался *тифъ*. Можно себя представить всеобщее безпокойство и тревогу! При Государѣ былъ только докторъ Гиршъ; пригласили Крымскаго доктора великаго князя Петра Николаевича, старожила южнаго берега, Тимофѣева, который здѣсь считается хорошимъ докторомъ. Онъ констатировалъ тифъ, полагая, что это особаго рода мѣстный тифъ, имѣющій то великое

преимущество, что онъ не сопровождается изъязвленіемъ кишекъ и не имѣетъ никогда печальнаго исхода. Это меня очень успокоило, однако этотъ тифъ сдѣлался очень сильнымъ. Болѣзнь продолжалась ровно три недѣли и послѣ 21-го дня ночью у Государя сдѣлался обильный потъ, затѣмъ утромъ температура упала, съ этого дня началось поправленіе, и, слава Богу, драгоцѣнное здоровье Государя было внѣ опасности. Но все это совершилось уже впоследствии, а въ первые дни болѣзни, до кризиса, вся Россія была въ тревогѣ.

Представленіе мое откладывалось со дня на день, но когда выяснилось, что у Государя тифъ, я чрезъ министра двора испросилъ изволеніе ѣхать въ Петербургъ, полагая дальнѣйшее пребываніе въ Ливадіи нескромнымъ.

Во время моего пребыванія на южномъ берегу, я былъ нѣсколько разъ въ Ливадіи, въ которой жизнь текла обычнымъ порядкомъ: завтракали и обѣдали въ той-же самой столовой; она осталась безъ измѣненія, а равно и всѣ комнаты нижняго этажа, гостинныя, устроенныя съ такой заботой и любовью Императрицею, ея комнаты, столь полныя для меня священныхъ и дорогихъ воспоминаній! Былъ я и у обѣдни въ милой Ливадской церкви, въ которой тоже ничего не измѣнилось, даже ковры верблюжьяго цвѣта тѣ-же. Какъ мнѣ вспомнились дорогія высокія личности Государя и Императрицы и столько другихъ, кого уже нѣтъ! И великіе князья, мои воспитанники, и мои усердныя молитвы въ этой церкви, въ продолженіи столькихъ лѣтъ! Казалось будто все это было вчера: такъ неизмѣнны остались эти мѣста и въ тоже время такъ далеко было это время, такъ все измѣнилось въ жизни моей, и теперь уже новое поколѣніе жило въ Ливадіи.

Но, несмотря на меланхоличное состояніе духа, которое я не могъ не ощущать въ Крыму, я провелъ въ Ялтѣ пять дней пріятно. Гостинница „Россія“ была полна знакомыми; тамъ жилъ министр двора баронъ Фредериксъ со своимъ семействомъ и очень гостепримно: всякій день у нихъ собиралось человѣкъ десять къ обѣду, и потомъ проводили у нихъ вечера, которыя, благодаря почитаемому и любимому барону и его достойной супругѣ, были очень пріятны. Утромъ я пилъ кофе въ 9 часовъ на берегу моря, въ павильонѣ на набережной, и въ это время до 10 часовъ было солнечно и тепло; но около 11-ти начинался холодный вѣтеръ съ моря, который длился цѣлый день и отравлялъ въ это время года пребываніе на южномъ берегу.

Къ завтраку Николай Сергѣевичъ Мальцовъ пріѣзжалъ ко мнѣ каждый день изъ Сименса; мы завтракали въ отелѣ и потомъ въ эки-

пажѣ отправлялись въ горы, въ Массандру или Аутку и оттуда возвращались пѣшкомъ домой пить чай, послѣ чего Н. С. уѣзжалъ въ Симеисъ. Я былъ очень тронутъ этимъ проявленіемъ его дружбы ко мнѣ, и мнѣ отрадны были долгія бесѣды съ этимъ умнымъ и благороднымъ человѣкомъ, съ которымъ у меня было столько общихъ и дорогихъ воспоминаній и который живетъ культомъ этого прошедшаго, памятью своей матери и покойной Императрицы Маріи Александровны и своей неизмѣнной привязанностью къ великому князю Сергію Александровичу.

Вечеромъ наканунѣ моего отъѣзда изъ Ялты былъ въ гостинницѣ „Россія“ концертъ хора Славянскаго. Зала была полна; всѣ придворные, министръ двора и его семейство, Мейендорфы, княгиня Мери Васильчикова, графиня Бенкендорфъ и проч. Хоръ пѣлъ прекрасно, всѣ давно извѣстныя пѣсни, слышанныя нѣкогда въ Ливадіи, но особенно: „А изъ роши таже пѣснь несется“, „Не течетъ рѣка обратно, чтѣ прошло, того не будетъ“, меня очень тронули, и онѣ мнѣ казались *эпиграфомъ* моего теперешняго посѣщенія Ливадіи и достойнымъ къ нему заключеніемъ.

На другой день, 31-го Октября, въ 9 часовъ, на пароходѣ Черноморскаго Пароходнаго Общества я отправился въ Севастополь; погода была прекрасная, солнечная, и я еще разъ долго всматривался въ знакомыя, милыя очертанія южнаго берега. Мы прибыли въ Севастополь около 3-хъ часовъ дня.

Я еще не видалъ Севастополя послѣ его возрожденія. Въ семидесятыхъ годахъ еще Графская пристань, памятникъ Казарскаго, церковь и форты сѣверной стороны были почти единственные остатки прежняго; теперь на рейдѣ стояла эскадра броненосцевъ, затѣмъ Новоадмиралтейскій соборъ, домъ главнаго командира, клубъ, прекрасныя оживленныя улицы, меня пріятно поразили. Главный командиръ, адмиралъ Тыртовъ очень любезно меня всюду возилъ, но не догадался пригласить меня обѣдать, чтѣ я исполнилъ очень скромно въ клубѣ и въ 9 часовъ вечера отправился на вокзалъ желѣзной дороги, гдѣ меня ожидалъ мой вагонъ, и мы тронулись въ путь. Во время всего пути было холодно и по ночамъ морозы. Въ Петербургъ я прибылъ благополучно 4-го Ноября.

Жена и все семейство нѣсколько дней тому назадъ переѣхали въ городъ, и я былъ такъ счастливъ обнять жену и дѣтей, видѣть ихъ здоровыми и быть съ ними въ нашемъ симпатичномъ Петербургѣ.

скомъ домѣ; въ немъ теперь было уже сдѣлано электрическое освѣщеніе, и всѣ мы этимъ очень были довольны. Мы усердно благодарили Бога за мое благополучное возвращеніе по великой милости нашего Господа Иисуса Христа и Пресвятой Матери Божіей. Наши первые дни были посвящены благодарственнымъ молебнамъ, въ домѣ, въ Казанскомъ соборѣ, въ домикѣ Петра Великаго передъ образомъ Спасителя, въ посѣщеніи Невской Лавры и дорогихъ могилъ.

Ноябрь и Декабрь прошли совершенно тихо и однообразно, спокойно и благополучно. Съ половины Ноября стали приходить извѣстія о поправленіи здоровья Государя, и у всѣхъ на душѣ стало спокойнѣе. Но послѣ болѣзни Государю надо было окрѣпнуть и въ началѣ заниматься немного, что ему было очень трудно: такъ привыкъ Онъ къ усиленнымъ занятіямъ. Ихъ Величества выѣхали изъ Крыма только въ началѣ Января и прибыли прямо въ Петербургъ совершенно благополучно.

